

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Новинка!

БРАЖОНЬЕРЫ

Браконьеры

Василий Головачев

Браконьеры

«ЭКСМО»

2012

Головачев В. В.

Браконьеры / В. В. Головачев — «Эксмо», 2012 — (Браконьеры)

ISBN 978-5-699-55889-6

На Земле десятками пропадают животные. Их не убивают охотники, не отлавливают звероловы, не уничтожают собраты по пищевой цепочке. Тигры, львы, носороги, волки, лоси исчезают мгновенно и совершенно бесследно. Единственное, что связывает между собой все эти случаи, – фигура таинственного «фотографа», вооруженного странной, не похожей на обычную камерой. Максим Одинцов, майор ГРУ, оказывается вовлеченным в расследование «биологической диверсии» случайно. В Синдорское охотхозяйство разобратся с пропажей медведей и загадочным «фотографом» Максима позвал дядя, лесник Пахомыч. Однако дело принимает совсем неожиданный и серьезный оборот – в Синдоре исчезает команда «любителей пострелять» во главе с генералом МВД. Максим вместе с агентом ФСБ майором Ольгой Валишевой начинают поиск и обнаруживают, что след «похитителей» ведет в... космос.

ISBN 978-5-699-55889-6

© Головачев В. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Хэндаохэцзы, провинция Хэйлунцзян, КНР	5
Долина Нила. Алегойя	8
Танзания. Национальный парк Серенгети	9
Остров Комодо, Индонезия	10
Княжпогостский район Сыктывкарской области, окрестности деревни Синдор	12
Москва, Управление экологической безопасности (УЭБ) ФСБ	17
Сыктывкар, ПГТ Седкыркеш	20
Хутор Синдор	23
Синдор	30
Окрестности Синдора	32
Хутор Синдор	36
Окрестности Синдора	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Василий Головачев

Браконьеры

Хэндаохэцзы, провинция Хэйлунцзян, КНР

14 июня, раннее утро

Реку опоясывали трёхступенчатые террасы, поросшие смешанным лесом, в котором ужились берёза и юньнаньская сосна, дуб и маньчжурский ясень, пихта и лиственница. Встречались и полосы кустарника, спутанные настолько, что пробираться через них было сложно даже мелким зверькам. Поэтому звери их обходили, а жившие в ветвях кустарника пичуги смело распевали свои незатейливые песни.

Спуски к воде были редкими, поэтому все они представляли широкие тропы в лесных зарослях, протоптанные разными зверями, от кабанов до оленей.

Именно в этих местах и обитали тигры, которых по разные стороны границы называли то амурскими, то уссурийскими, то маньчжурскими. В последнее время их стало больше, так как в заповеднике Хэндаохэцзы охотиться на тигров было запрещено. Заповедник посещали только лесники и работники центра по разведению тигров, а туристов и фоторепортёров пускали туда очень неохотно, не сказать больше. Однако один из них, сумев «уговорить» младшего ветеринара товарища Хо, пробирался нынешним утром к тигриному логову, захватив фотоаппарат, вызывающий уважение и больше похожий на оружие пришельцев из фантастического фильма.

Товарищ Хо, небольшого росточка, худенький, напоминающий мальчишку, покосился на спутника.

Этот человек в пятнистом комбинезоне странного покроя почти не разговаривал, однако взглядом мог выразить любую просьбу, любое пожелание, поэтому хлопот не доставлял никаких. Товарищу Хо это нравилось, хотя какое-то время он привыкал к поведению гостя и к его неподвижному плоскому лицу, почти безносому и безгубому, словно его специально ровняли скалкой для теста.

Впрочем, для товарища Хо это не имело значения. Ему хорошо заплатили, и теперь он должен был показать фотографу в пятнистом тигриную семью, проживающую на террасе реки Муданцзян, недалеко от комплекса зданий центра.

Джип, доставивший ветеринара и его гостя к месту назначения, оставили в километре от одного из спусков к реке. Дальше двигались пешком.

Несмотря на ранний час, было душно и жарко, по небу бродили облака, изредка на землю спускался туман и шёл дождь: северо-восток Китая с конца июня по август накрывал муссон.

В принципе гостю повезло, так как в период дождей пройти по местным тропам, превращавшимся в ручьи и реки, было невозможно.

Похоже, спутник товарища Хо не испытывал никаких неудобств. Ни духота, ни отсутствие солнечных лучей его не трогали. Он шагал за проводником молча, без единого вздоха, придерживая ремень своего «космического» фотоаппарата, и не реагировал ни на красоты пейзажей, ни на встречающиеся препятствия.

Обогнули живописную группу скал, остановились у длинной песчаной полосы, упиравшейся в каменный гребень перед речной долиной. Откуда-то послышалось рычание.

Проводник прислушался.

– Дошли. Логово правее, за кустами, где камни и песок. Но подходить близко опасно, тигрица этого не любит.

Гость посмотрел на товарища Хо. Тот поднял руки, кривя лицо морщинами улыбки.

– Я только хочу предупредить. У вас нет ружья...

Человек в пятнистом коснулся объектива фотоаппарата.

Товарищ Хо торопливо закивал, попятился.

– Вас подождать?

Фотограф отрицательно мотнул головой.

– Возвращайтесь. – Голос его был сух и невыразителен, и по-китайски он говорил с акцентом.

– Но вы не можете здесь оставаться.

Глаза фотографа стали совсем белыми.

Товарищ Хо попятился.

– Хорошо-хорошо, я понял. Когда за вами приехать?

– Завтра.

– Вы хотите здесь заночевать? – удивился китаец.

Новый высверк белых глаз.

Товарищ Хо повернулся и поспешил обратно, то и дело оглядываясь.

Фотограф проводил его ничего не выражающим взглядом, прислушался к доносившемуся из зарослей рычанию, двинулся в ту сторону.

Вскоре он вышел к логову тигров в окружении скал и деревьев. Под ногами хрустели обглоданные кости каких-то животных, пахло падалью и кошачьей шерстью, но фотографа это не тревожило.

В кустах замелькали рыжие полосы, и на песчаную отмель выпрыгнула тигрица великолепного окраса, высотой в холке чуть меньше полутора метров и длиной около двух. Глаза её светились яростной желтизной, челюсти раздвинулись в предупреждающем рыке, показывая мощные белые клыки.

Фотограф снял с плеча свой сложный многоствольный фотоаппарат, нацелил на тигрицу, не опасаясь её ни капли.

Послышалось ещё рычание, не такое басовитое, помягче, и сбоку из кустов вышли два молодых тигра, хлеща себя по бокам хвостами. Судя по возне и повизгиванию в траве, у тигрицы имелись и недавно появившиеся на свет детёныши.

Тигрица поджалась, собираясь прыгнуть...

Товарищ Хо, одетый в защитного цвета костюм и кепочку, рысью добрался до джипа, размышляя не столько над тоном слова «возвращайтесь», сколько над своим положением. Поведение фотографа ему не нравилось, потому что риск его обнаружения увеличивался, а сумма, которую он уплатил за право пообщаться с тиграми, не могла компенсировать потери товарища Хо в случае увольнения.

Поэтому он, подождав час в джипе, решил всё-таки вернуться к гостю и сообщить ему о возможных проверках. От охранников заповедника надо было держаться подальше.

Ветер разогнал облака, выглянуло солнце.

В лесу зашевелились проснувшиеся звери, сторожко прислушиваясь к утренней тишине, гадая, какое настроение нынче у местного царя. Но всё было спокойно, тигры не подавали признаков жизни, и белки побежали по веткам сосен смелее, не говоря уже о запевших птицах, не зависимых от эмоций бегающей и ползающей по болотам живности.

Товарищ Хо вышел к скалам, возле которых оставил фотографа. Сердце сжало нехорошее предчувствие. Он пожалел, что уступил гостю и оставил его одного, без оружия, возле тигриного логова. Вспомнилось имя гостя:

– Дилай?

Из кустов вынеслось слабенькое эхо. Никто не отозвался на зов. Не слышно было даже возни тигрят и рычания их воспитательницы.

Товарищ Хо осторожно обогнул скалы.

– Дилай?

На влажном мху слева отпечатались следы рифлёных подошв, но сам фотограф не показывался. Впрочем, молчали и тигры, словно чудесным образом растворившись в тумане.

Товарищ Хо, потев, скользнул к кустам, оглядел песчаную плешь, камни, прошёл ещё дальше, к обрыву, за которым начиналась терраса, спускавшаяся к реке.

Тигров не было и здесь, вместе со всем выводком тигрят. А главное, исчез и фотограф в пятнистом со своим примечательным инструментом, больше похожим на небольшой телескоп необычного вида.

Товарищу Хо стало плохо. Он не знал, что делать, где искать незнакомца по имени Дилай и как докладывать о его пропаже директору заповедника.

Долина Нила. Алегойя 16 июня, полдень

Крокодил не двигался, наполовину выдвинувшийся из воды, огромный, коричнево-зелёный, напоминавший бугристое бревно. Глаза его были полуоткрыты, но веки не дрогнули ни разу, словно он задремал после сытного обеда либо вообще впал в спячку.

Рядом проползла черепаха, однако он не обратил на неё никакого внимания.

Заводь была приличная, метров сто в длину. Кое-где у берега торчали из воды ноздри и глаза других крокодилов, погрузившихся в воду полностью. И вообще весь этот тёплый илистый водоём, представлявший собой старицу Нила, кишел пресмыкающимися, сохранившими свой образ жизни со времён появления на Земле двести пятьдесят миллионов лет назад.

Изредка то один, то другой ныряли в воду, взбаламучивая её до состояния болотной жижи, вспоминая о каких-то важных делах, либо выбирались на берег, истоптанный животными, приходящими к водою.

Животные – косули, антилопы, дикие свиньи, даманы – появлялись редко, заставляя крокодилий клуб оживляться, хотя охотятся крокодилы преимущественно ночью, и точно так же они оживлялись, когда к берегу выходили люди.

На этот раз это был массивный мужчина с бледным плоским лицом, в пятнистом камуфляже, нёсший в руках прибор, напоминавший фотоаппарат. Он вынырнул из зарослей древесной акации, оглядел берег водоёма и приблизился к застывшему бревну крокодила.

Птичьи голоса в кустах смолкли.

Из коричнево-синеватой жижи высунулись глаза и ноздри ещё трёх крокодилов, заинтересованных действиями человека.

Незнакомец поднял с земли камень, бросил в крокодила, по-прежнему не подававшего признаков жизни.

Камень кланулся о роговые пластины в форме латинской буквы «V», отлетел к воде.

В следующее мгновение крокодил рванулся вперёд, в могучем прыжке преодолел три метра, раскрыл пасть.

Человек в камуфляже поднял свой прибор, нацеливая на бегущего к нему – при каждом шаге хвост пресмыкающегося дёргался из стороны в сторону – трёхметрового гиганта.

Шаг, ещё шаг, ещё, до ног фотографа осталось чуть больше двух метров, а затем что-то произошло. Словно воздух вдруг поплыл маревом, искажая очертания попадавших в струю предметов. Крокодил вонзился в это марево... и исчез!

Фотограф опустил прибор, поверочал головой, разглядывая заводь с десятком глаз и ноздрей в воде, и неторопливо зашагал вдоль берега, обходя камни и стволы полусгнивших деревьев.

Один из крокодилов возбудился, кинулся к берегу.

Фотограф остановился, оценивающе глянул на броненосное животное, навёл на него прибор.

Танзания. Национальный парк Серенгети

18 июня, 14 часов

Лев был сыт, спокоен и не реагировал на пробежавшее в сотне метров от него небольшое стадо антилоп. Он благодушно наблюдал за вознёй львят возле кучи камней, изредка кидая взгляд на львицу, облизывающую свой лоснящийся бок.

За стеной кустарника и высокой травы слышалось взрыкивание и повизгивание: там воспитывала детёнышей ещё одна львица.

Всего прайд-семья льва насчитывала одиннадцать львиц, от старых до совсем молодых – двухлетних, трёх львов и семерых львят. Но этот красавец с роскошной жёлто-коричневой гривой и умными светящимися глазами являл собой главу семьи, подчинявшейся ему без каких-либо возражений.

Не боялся лев и людей.

Охотники в парке Серенгети появлялись редко, а на львов, чьё поголовье постепенно сокращалось из-за придвинувшейся к границам парка цивилизации, и вовсе охота была запрещена. Во всяком случае, уже несколько лет ни один охотник с ружьём в месте обитания семьи не возникал. Поэтому и реагировал опытный самец на людей с ленивой пренебрежительностью. Он чувствовал, что никто из них не рискнёт напасть на семью, а тем более на него лично.

Тем не менее внезапно выросшего в траве саванны человека в камуфляже, с блестящим аппаратом на плече, он встретил сдержанным предупреждающим рычанием.

Человек некоторое время стоял совершенно неподвижно, вырисовываясь на фоне жёлтой травы как мрачная, угловатая, пятнистая скала, потом двинулся к логову льва, не обращая внимания на его приподнявшиеся и затрепетавшие края верхней губы.

Львица перестала приводить себя в порядок, грациозно поднялась, глядя на приближавшегося героя.

Человек снял с плеча тубус аппарата, напоминавшего фотоаппарат с фасетчатой нащёпкой объектива, направил на льва.

Лев рыкнул ещё раз, нервно хлестнул себя хвостом по крупу.

Львица оглянулась на хозяина, мотнула головой, вопросительно мяукнула.

На поляну, вытопанную львами, вынесся клубок львят, самозабвенно борющихся за какую-то давно обглоданную кость.

Лев поднялся, угрожающе раскрывая пасть.

Человек сделал ещё два шага, льва накрыла струя нагретого воздуха, и зверь исчез.

Львица удивлённо уставилась на то место, где только что стоял её повелитель, дёрнула ушами, повернула голову к человеку, присела.

Львята покатались к ней клубком.

Она прыгнула вперёд, раскрывая лапы, словно собираясь обнять разыгравшихся чад, и тоже исчезла.

Человек повернул трубу аппарата к себе, повозился с ним, что-то нажимая, передвигая, ввинчивая и переключая, кинул взгляд на переставших играть львят и направился в ту сторону, откуда слышалось ворчание другой львицы.

Остров Комодо, Индонезия

19 июня, полдень

К заливу трёхъярусный тропический лес мелел, понижался, рассыпался на островки мангровых зарослей вокруг болот и на заросли казуаринов, вечнозелёных кустарников, украшенных торчащими из них кокосовыми пальмами и бамбуком.

Чтобы спуститься к воде, животные вынуждены были пользоваться тропами, протоптанными в казуариновых чащобах не боящимися колючек кабарнами или толстокожими носорогами.

Почти ровно в полдень по одной из троп бежали к воде несколько молодых оленей, оскальзываясь на камешках или на глинистых выступах, мокрых после недавнего дождя.

В июне в здешних местах начинался засушливый период, понуждавший животных чаще спускаться к водоёмам, однако оленей заставило бежать нечто другое – появление человека, ведущего себя подозрительно.

Поэтому они и не заметили, что за поворотом тропы их ждёт засада.

Стоило первому оленю свернуть, как на него из-за коряги метнулся крупный зверь, напоминавший древнего динозавра.

Впрочем, это был не динозавр, а комодский дракон, или варан, достигавший в длину трёх метров. Вараны были ящерицами, и род свой вели от более крупных предков – мегаланий, живших в Австралии в палеоцене. Обнаружили драконов в начале двадцатого века, и с тех пор они известны как самые крупные ящерицы на планете.

Варан впился острыми кинжаловидными зубами в бок оленя, протащил его по тропе несколько метров, потом начал поедать, вырывая крупные куски мяса и заглатывая их целиком, не жуя.

Остальные олени рванули назад, исчезли в зарослях, испуганные нападением.

Зато на их месте возник человек в пятнистом комбинезоне, с блестящим сложным аппаратом в руках, похожим на видеокамеру и фотоаппарат, но гипертрофированно увеличенные. Современные камеры были гораздо меньших размеров и не такие грозные с виду.

Он приблизился к насыщавшемуся дракону, ни капли не беспокоясь, остановился в трёх метрах, наблюдая за трапезой.

Варан перестал жрать оленя, повернул голову, уставился на человека колючими глазками.

Ящер был массивен, складчатая, бугристая кожа тёмно-серого цвета с россыпью жёлтых пятен будила в памяти фильмы о динозаврах времён мезозоя, из пасти по зубам стекала кровь поверженного оленя. Застывший взгляд зверя предупреждал, как бы говоря: не суйся, ничего хорошего тебя не ждёт.

Фотограф поднял к плечу свой устрашающий фотоаппарат, навёл на варана.

Дракон дёрнул хвостом: человек ему не нравился. Но и отступать он не хотел, добыча принадлежала ему по праву.

Где-то в лесу рядом с болотцем крикнула птица.

Варан наконец решил узаконить своё преимущество, кинулся к человеку.

Фотограф что-то нажал на пластине аппарата, зверя накрыло облачко струящегося воздуха, и он исчез!

Вместе с ним исчез и недоеденный олень, а также часть камней на тропе и стрелка бамбука.

Фотограф прошёлся по тропе, вертя головой, словно искал кого-то, потом спустился к болотцу и присел на валун, увязший в песке и глине. Из его аппарата вылетел небольшой, с

палец величиной, серебристый шарик, затрепетал проявившимися крылышками, подскочил вверх и пропал в небе.

Фотограф проследил за ним, занялся аппаратом, глядя на экранчик, загоревшийся на передней панели с объективом. Через пару секунд над ним встал столбик зеленоватого свечения, раскрылся тремя крылышками длиной с локоть, и внутри получившегося объёма появилась некая округлость зелёного цвета, покрытая коричневыми и голубыми пятнами.

На краю одного из пятен мигнула красная искра.

Фотограф дотронулся до светящейся конструкции длинным сухим пальцем без ногтя.

Округлость накрыла сеточка светящихся линий. Вспыхнувшая жёлтая стрелочка протянулась из-за края экрана к искорке.

Фотограф повертел головой, встал, вся светящаяся конструкция над аппаратом пропала.

Через минуту с неба на человека в комбинезоне упала серебристая «стрекоза», всосалась в панель аппарата.

Фотограф повернул назад, потопал к засохшему чёрному кустарнику и пропал за ним как привидение.

Княжпогостский район Сыктывкарской области, окрестности деревни Синдор 26 июня, утро

Погода в середине июня выдалась в районе чудесная, с дождями, но тёплая и ласковая, что сразу сказалось на настроении жителей района: в леса потянулись грибки, как местные, так и приезжие.

В пятницу, двадцать первого июня, собрался обойти знакомые грибные места и Николай Пахомович, для жены Никола, для друзей и жителей деревни просто Пахомыч.

Старику исполнилось восемьдесят, но был он крепок, сух, вынослив, подвижен и продолжал работать лесником после того, как местная власть по указке федеральной возродила службу лесохозяйства.

Деревушка Синдор, даже не деревушка, а скорее хутор, количеством в четыре двора располагалась на берегу речки Вис, вдоль старой железной дороги-узкоколейки, рядом с болотистым озером Глухое.

Пахомыч прекрасно знал эти места, всю жизнь прожив в посёлке Синдор, который находился в восьми километрах от деревушки с тем же названием.

В конце девяностых деревушка захирела, все её жители либо уехали поближе к городам, либо умерли, и оставшиеся дома, ещё вполне добротные, долго использовали местные охотники. Затем здесь поселился Пахомыч с женой, решив возродить деревню и попробовать жить в согласии с природой.

После этого в деревню переехали ещё две семьи, и она превратилась в полноценное поселение, связанное с посёлком Синдор узкоколейкой и просёлочной дорогой вдоль неё. То, что узкоколейку когда-то использовали в основном для перевозок заключённых местного лагеря «Глубинка», никого не пугало. Здесь привыкли к тому, что на лесоповале и в охотхозяйствах работали эки.

Пахомыч и раньше, в молодости, пешком обходил все окрестности Синдора, легко добирался даже до реликтового Синдорского озера, а уж окрестности озера Глухого, вплоть до дороги на Ухту и дальше, изучил как свои пять пальцев.

Выйдя затемно с котомкой за плечами и ведёрным лукошком в руке, он обошёл болотце за погостом и потопал на юго-запад, к озеру.

Синдором оно стало в советские времена, а до того звалось, по одной версии – Сенгтором, что на языке манси означало «Туманное озеро», по другой – оно было Синдором и раньше, а переводилось это слово с языка коми как «возле глаза». В озеро впадало пять притоков, и параллельно одному из них – небольшой речки Угьюм Пахомыч и направился в лес, мало чем отличимый от сибирской тайги.

Здесь росли ель, сосна, берёза, ольха заплела все топкие болотистые берега ручьёв, встречались и пихта, и лиственница, и кедр. В некоторые урманы даже соваться было нельзя, настолько густо они были забиты кустарником и упавшими деревьями. С конца восьмидесятых годов прошлого века лесников разогнали, леса перестали чистить, и они в конце концов заросли, превратились в непроходимые буреломы.

О Пахомыче, как о леснике со стажем, вспомнили всего два года назад, после очередных выборов президента. Центральная власть наконец озаботилась положением дел в лесной отрасли, вспомнила о воссоздании охотоведческих хозяйств, да и с постоянными пожарами надо было как-то бороться, и старику предложили возглавить Синдорское лесохозяйство.

Однако от должности начальника он отказался, а лесником поработать согласился, и ему доверили контроль Синдорского заказника, начинавшегося к югу от его родной деревни.

За два года он обошёл все окрестные леса, обозначил более сотни завалов и валежников, которые надо было расчистить, пересчитал медвежьи берлоги и лосиные тропы, волчьи схроны и ареалы обитания прочих лесных жителей и, конечно же, обошёл все грибные места, которые показывал ему ещё лет семьдесят назад его отец Пахом Кузьмич.

Работы хватало не только ему. В лесхозе работали три лесника, намного моложе, но и для них задача очистки лесов от мусора и завалов была неподъёмной. К тому же в этом году почти пятьдесят процентов ельника оказалось заражено короедом, что требовало внимания и средств для борьбы с жучком. А кроме того, чуть ли не сорок процентов лиственного лесного фонда составляли перезревшие деревья, которые тоже надо было валить, пилить и вывозить. Администрация края дала на это лесникам срок пять лет, но справятся ли они, почти не снабжаемые необходимой техникой и химией, Пахомыч не знал. По его подсчётам с его подшефной территории только в этом году вывезли почти десять тысяч кубометров лесного мусора, а сколько ещё осталось, трудно было представить.

К восьми часам лукошко было полно белыми и подосиновиками.

Пахомыч посидел на комле вывороченной лиственницы, попил горячего чая из термоса вприкуску с сухарями, снова побрёл от поляны к поляне, обходя грибные захоронки. Встретил лося, пасшегося в кустарнике за мшаником. Лось посмотрел на него задумчиво, закидывая рога за спину, признал своего, отвернулся. Он понимал, кого надо бояться в этих краях, так как самым страшным хищником был не медведь, не зверь, а человек. Но Пахомыч никогда не охотился на лесную тварь, будучи сугубо мирным человеком, несмотря на наличие ружья, и звери это чуяли.

К девяти часам он набрал и котомку, в которую тоже умещалось не менее ведра грибов. Пора было возвращаться восвояси.

Пахомыч миновал завал из упавших сухих сосен, с неудовольствием подумав, что завал придётся убирать ему самому. Машина или трактор сюда проехать не смогли бы, а это означало, что распиленные стволы падняка надо было тащить до границы зимника, где по просеке проходил пунктирчик дороги.

Встретился развороченный муравейник.

Пахомыч обошёл его кругом, всмотрелся в заросли сосняка, обнаружил горб медвежьей берлоги. Медведей он встречал здесь не раз, однако один на один выходить на них опасался, зная не сильно миролюбивый нрав лесного хозяина.

Послышалось низкое ворчание: хозяин был дома, хотя обычно в тёплые летние дни медведи предпочитали отдыхать в зарослях, на сухом валежнике.

– Не переживай, не в гости я к тебе, – проворчал в ответ Пахомыч.

Но медведь уже высунул лобастую башку из отверстия берлоги, затем легко вылез сам, угрожающе посмотрел на человека.

Несколько мгновений они изучали друг друга, оценивая намерения другой стороны.

Пахомыч попятился, провожаемый взглядом бурого мишки, а точнее, медведицы; судя по тому, как она отреагировала на повизгивание, раздавшееся за спиной, там возились медвежата. А вылезла медведица из берлоги потому, что учуяла приближение человека и намеревалась преградить ему путь.

– Понял, понял. – Пахомыч отступил, не делая резких движений, нырнул в заросли рябины, вытирая рукавом выступивший на лбу пот. С медведицей разбираться не хотелось, защищая своих детёнышей, она была способна на всё.

Отойдя от берлоги метров двадцать, он выпрямился, вздохнул свободнее.

Хрустнула ветка под чьей-то ногой.

Старик оглянулся.

Сквозь листву орешника мелькнул силуэт, и на краю поляны появился человек в пятнистом зелёном комбинезоне. Голова у него была какая-то асимметричная, покрытая ровным

сизым ворсом волос, лицо плоское, нос пуговкой, рот вообще был почти не виден, а глаза казались белыми и прозрачными, как стеклянные блюдца. На плече у него торчал какой-то прибор с фасетчатым объективом, похожий на фотоаппарат. Он замер и уставился на лесника вдруг запульсировавшими – сужающимися и расширяющимися глазами.

– Мил человек, – очнулся старик, – ты там осторожней, на медведя-от можешь напороться.

Чужак склонил голову к плечу, будто прислушивался к шёпоту за спиной, и бесшумно канул в кусты. Треснул сучок, ещё один, и всё стихло.

Пахомыч озадаченно потёр ладошки, определяя движение чужака, понял, что тот вопреки совету направился к медвежьей берлоге.

– Вот чёрт безротый! Куда тебя понесло?

Недалеко раздался храп, треск: это явно рванул куда-то лось.

Треск стих.

Чуть позже послышался медвежий рык и тоже пропал, словно медведице перерезали глотку.

Пахомыч покачал головой и решительно двинулся назад, предчувствуя беду. Фотограф в камуфляже не был вооружён, и возбуждавшаяся медведица запросто могла его задрать.

Поляна, на краю которой пасся лось, выглядела мирной и пустой. Лося нигде видно не было. Чужак, очевидно, спугнул животное, и местный франт, обладатель красивых рогов, убрался отсюда подальше.

Однако не было слышно и медвежьего ворчания, что казалось уместным во время встречи медведицы с непрошеными гостями. Если странный фотограф подошёл к ней слишком близко, она могла прийти в ярость, но, даже если он сразу отступил, зверь продолжал бы подавать голос, чтобы у чужака снова не возникло желания познакомиться.

Берлога показалась в прогалине между кустами.

Пахомыч медленно и осторожно двинулся к ней, стараясь не шуметь.

В ветвях мелькнула тень.

Старик замер, напрягая зрение.

Рядом с бугром берлоги кто-то стоял, заштрихованный узорчатой тенью от ветвей и листьев деревьев. Блеснул объектив фотоаппарата. Фотограф! Подобрался-таки вплотную!

Чёрт болотный! Как же тебя предупредить?!

Фотограф повернул голову, стало видно его лицо: он смотрел в сторону Пахомыча. Постоял так, совершенно неподвижно, две секунды, пропал. Только под ногами хрустнули ветки.

Пахомыч, уже не сторожась, полез через валежины к берлоге.

– Эй, мужик!

Никто не ответил. А самое интересное, не подала голос и медведица, будто от испуга скрывшись в берлоге, чего просто не могло быть.

Старик приблизился к холмику с шапкой накиданных сверху ветвей, обошёл его, недоумевая.

Медведица молчала. Лишь в берлоге повизгивал медвежонок, ожидая мать, но и он смолк. Уголком леса вокруг берлоги завладела полная тишина.

Домой Пахомыч вернулся к обеду, обшарив лес на полкилометра по радиусу от медвежьего схрона. Однако ни лося, ни медведицы не нашёл. В берлоге остались ждать мамашу два медвежонка, совсем крохотных, неспособных выжить самостоятельно, брошенных медведицей по непонятной причине, и с ними надо было что-то делать.

Рассказав жене о своём приключении и отдав ей грибы, Пахомыч достал мобильный айфон.

Племянник Максим жил в Сыктывкаре, хотя работал в Москве, в каком-то секретном спецназе, о чём рассказывать не любил. Пахомыч знал лишь, что Максим по званию майор и командует особой группой, но чем занимается и в каком ведомстве служит, не имел понятия. Тем не менее после недавних приключений старик решил позвонить ему и поделиться своими умозаключениями.

Максим отозвался после минутной паузы:

– Дядь Коль? Ушам не верю!

– Я, конешное дело, – хмыкнул лесник. – Ты нынче где обитаешь?

– Только что вернулся из столицы нашей родины, отпуск у меня.

– В Сыктывкаре, значит? Это радует. Тут такое дело, посоветоваться надо. Может, приедешь? Пoryбачим, по грибки сходим, в баньке попаримся.

– Могу и приехать, давно в ваших краях не бывал. На Синдорском озере рыбачится хорошо. Помнишь, ты меня на какой-то мыс водил?

– Мыс Щипач, хариус там водится. Так приезжай, ждать буду, хату отремонтировал, да и Евграфовна обрадуется. Мои уехали на моря, одни мы. Бери жену и приезжай. Дети есть?

– Нету детей, Пахомыч, да и жены тоже.

– Во как! Куда ж она ускакала? По делам или на отдых?

– Насовсем уехала в Сочи, турбизнес там у неё.

– И ты её отпустил?

– Она не спрашивала разрешения. Что случилось-то, дядь Коль?

– Да странное что-то у нас в округе деется. Зверьё пропадает. Двух лосей не досчитался, волки куда-то ушли, медведица пропала.

– Как пропала?

– Да вот так. – Пахомыч рассказал племяннику историю с медведицей и фотографом. – Это сегодня случилось. А волки ещё пару дней назад ушли, хотя никто за ними не охотился. Приехал бы, разобрался.

– Я же не егерь, – засмеялся Максим. – Сам-то почему не можешь этим заняться? Доложи начальству, в администрацию района.

– Да што там администрация сделает, пошлёт на три буквы. Понимаешь, не больно понравился он мне.

– Кто?

– Фотограф этот. Камуфляж на нём явно не расейский, да и выглядел он как... – Пахомыч подобрал сравнение, – как пугало огородное. И глаза белые.

– Что значит – белые?

– Такое впечатление, что они вообще без зрачков.

– Ну, это тебе показалось.

– У меня глаз острый, – обиделся старик. – За километр комара увижу. Так приедешь аль нет?

Максим помолчал.

– А знаешь что, дядь Коль, приеду! Где отдыхать буду, ещё не решил, почему бы и не пожить у тебя несколько дней? Грибы есть?

– Как же без них, колосовики пошли.

– Жди, завтра-послезавтра соберусь.

Разговор закончился.

Пахомыч выключил мобильный, с облегчением напился квасу собственного приготовления, глянул на висевший на стене календарь с полуголыми красавицами; жена сама где-то нашла и повесила, намекая неизвестно на что, а ему нравилось смотреть на девчонок, вызывающих учащённое сердцебиение у мужчин.

– Двадцать шестое... значит, где-то двадцать восьмого приедешь. Это славно.

Девушка в красном бикини подмигнула старику.

Москва, Управление экологической безопасности (УЭБ) ФСБ 27 июня, полдень

Начальник управления оторвался от созерцания монитора на столе, посмотрел на часы, ткнул пальцем в кнопку селектора:

- Дмитрий, все собрались?
- Так точно, Павел Степанович, – отозвался секретарь.
- Пусть заходят.

Конев скрылся в комнате отдыха, где можно было умыться и уютно посидеть одному.

Он был немолод – до шестидесятилетнего юбилея оставалось около месяца, лыс, но широк в кости и по-спортивному подтянут. Хотя понимал, что спортивные достижения не помогут ему остаться начальником УЭБ после шестидесяти. ФСБ омолаживалась, начальниками подразделений становились молодые двадцатипятилетние парни, и Конев оставался одним из последних возрастных «монстров» службы.

Когда он появился в кабинете, за столом уже сидели вызванные сотрудники управления: полковник Лапин Виктор Андреевич, начальник информационно-аналитического отдела Оскар Фельцман и подполковник Мзилакаури Вахтанг Ираклиевич, командир оперативной бригады управления, самый молодой из присутствующих; ему недавно исполнилось тридцать девять лет.

Все трое дружно встали.

– Садитесь, – кивнул Конев на стулья. – Появилась интересная информация, надо отреагировать. Прошу, Оскар Нариманович.

Фельцман, одетый с подчёркнутой строгостью в тёмно-синий костюм с белой рубашкой, поправил красный галстук, протянул начальнику управления капсулу флэшки.

– Здесь весь материал.

Конев воткнул капсулу в панель компьютера.

Ожил объёмный монитор, сыграл индикаторами, развернул текст и фотографии доклада.

– Коротко общие сведения, – продолжал Фельцман сухо; это была его постоянная манера общения – предельная сдержанность, корректность и подчёркнутая конфиденциальность. – Последние три месяца к нам поступала информация о странных исчезновениях животных, в основном хищных, в разных частях света.

– Хищников? – уточнил Лапин.

– В большинстве случаев это львы, тигры, леопарды, крокодилы, медведи, россомахи. В Атлантике сократилось поголовье косаток. Львы начали пропадать необъяснимым образом в Египте, Танзании, Камеруне. Счёт идёт не на единицы, а на десятки и сотни.

– Интересно, – сказал Мзилакаури практически без акцента. В России он и его семья жила уже давно, и русский язык стал для них родным.

– Вы так полагаете? – посмотрел на него Фельцман.

– Я об этом ничего не знаю. А российские тигры тоже пропали?

– Не только, ещё и волки, и медведи, не считая крупных копытных – оленей и лосей.

– И лоси исчезли?

– Есть информация.

– Каким образом это стало известно? Я имею в виду иностранные источники.

– В других странах хорошо работают службы биомониторинга. Что касается нашей страны, то месяц назад начали поступать доклады егерей и лесников. Набирается умопомрачительная статистика. Четыре случая произошли совсем недавно в Печоро-Ильчском запо-

веднике, в национальном парке «Югд Ва», и ещё один не далее как два дня назад в Княжпогостском районе Сыктывкарской губернии: пропали четыре медведя и шесть лосей, не считая стаи волков.

– Что значит – пропали? – спросил Лапин. – Если их перестреляли браконьеры, вряд ли они забрали туши полностью, должны были остаться копыта, мослы, рога, внутренности.

– Ни одного следа! – повторил ровным голосом Фельцман. – Ничего! Звери именно исчезли. Людей там видели, но стрельбы никакой не слышали.

В кабинете стало тихо.

– Это интересно, – сказал Мзилакаури с прежней интонацией.

– Везде? – сказал Лапин. – Я имею в виду, звери исчезали везде?

– Абсолютно. Началось всё с парка Серенгети в Танзании, потом за неделю распространилось, как эпидемия, по всем континентам. Наш Амурский ареал тигров тоже затронуло, хотя больше всего тигров исчезло в китайском центре разведения тигров Хэндаохэцзы.

– Странные браконьеры.

– Читайте.

Лапин и Мзилакаури принялись изучать тексты и фотографии в мониторе.

– Кофе хочешь? – спросил Конев Фельцмана.

– Чёрный, с лимоном, – согласился начальник информационно-аналитического подразделения.

– Вам? – посмотрел на читающих генерал.

– Нет, – отказался Мзилакаури.

– Да, – сказал Лапин. – Эспрессо.

– Дмитрий, – вызвал секретаря Конев, – всем кофе: три эспрессо и лимон.

Сотрудники управления дочитали доклад Фельцмана.

Молодой белобрысый лейтенант принёс кофе.

– Бред какой-то! – выразил своё мнение Лапин, имея в виду усвоенный материал. – Не могут звери исчезать в никуда сами по себе! Их наверняка вывозили.

– Никаких следов транспорта не обнаружено, – возразил Фельцман. – И вертолётчиков не видели. Ни грузовых, ни военных.

– Что же они, по-твоему, звери, я имею в виду, сбежали в соседнее измерение? – скептически изогнул бровь Лапин. – Или их забирали зелёные человечки с НЛО?

– Измышление гипотез не в моём ведении, – хладнокровно отрезал Фельцман. – Китайцы поменяли руководство заповедника. Египтяне объявили розыск пропавшего зверья и перекрыли границы.

– Ты и нам предлагаешь перекрыть границы? Прямо в тайге?

Фельцман посмотрел на Конева.

– Предлагаю послать в Синдор агента, пусть посмотрит на месте, что там происходит. Надеюсь, у нас есть опытные специалисты.

Все перевели взгляды на главного оперативника.

– Лопата и Кисель до сих пор в командировке, – сказал Мзилакаури. – Вернулась из отпуска Валишева. Можно отправить её.

Мужчины переглянулись.

– Женщина, – поморщился Лапин.

– Да ну? – усмехнулся Конев. – Откуда знаешь?

– Во-первых, она майор спецназа, – привёл довод Мзилакаури, – и мало в чём уступит мужику. Во-вторых, она из тех мест, уроженка посёлка Таёжный, хорошо знает местность. Не замужем, детей нет, спортсменка.

– Красавица.

– Симпатичная.

- Одни достоинства, – скривился Лапин.
- Ты против?
- Почему? Решаю не я.
- Больно молода, – сказал Фельцман. – Насколько мне помнится, ей всего двадцать восемь.
- Двадцать девять.
- Не вижу разницы.
- А откуда ты знаешь, что Валишева молода? Неужели приставал?
- Фельцман с достоинством расправил плечи.
- Я не пристаю к сотрудницам. Пристанешь, потом извиняться приходится.
- Закончив приставания извинениями, можно обидеть любую женщину.
- Ну, у тебя большой опыт по этой части.
- Мзилакаури засмеялся.
- К Ольге не пристанешь, отошьёт кого угодно.
- Всё, решили, – прервал пикировку сотрудников Конев. – В Синдор поедет Валишева, обеспечьте ей сопровождение по всем каналам. Нужен курьер и в Уссурийск, если не найдём на месте. Надо проверить инцидент с пропажей тигров.
- Я не могу, – помрачнел Лапин. – Здоровье плохое.
- Здоровье не бывает плохим, – проворчал Фельцман. – Оно либо есть, либо его нет.
- Я сам туда полечу, – сказал Мзилакаури.
- Тогда жду разработку, Виктор Андреевич. Предлагаю дело назвать «Браконьеры».
- Лапин кивнул с облегчением.

Сыктывкар, ПГТ Седкыркеш 28 июня, вечер

Охлин не привык выслушивать от подчинённых отказы выполнять его распоряжения, поэтому когда зам по тылу полковник Нобелев заикнулся о риске предстоящей охоты, генерал просто посоветовал ему написать заявление об увольнении по собственному желанию, тем более что полковнику исполнилось пятьдесят пять, и он мог уйти со службы по выслуге лет.

Охлину Геннадию Фофановичу тоже близился срок выслуги, поскольку ему было уже пятьдесят четыре года. Но он служил не в спецназе МВД, где требовался молодой задор, креативность, инициатива и реакция. Охлин возглавлял хозяйственное управление полиции Сыктывкара и считал себя даже большим начальником, чем глава губернского отделения МВД генерал Скорчак. И по праву: ему было доступно всё, так как от его подписи на документах зависело материально-техническое снабжение полиции края, и он мог себе позволить любую оценку действий любого органа власти, будь то полиция или администрация области. А уж что касалось собственных пристрастий и желаний, тут Охлин вообще не желал полагаться на чьи-то оценки и предупреждения. Проработав в милиции больше двадцати пяти лет и в полиции девять, он считал, что ему разрешено всё, в том числе и охота на крупного зверя, к чему он имел большую тягу.

Правда, охотился он специфически, с вертолётa, но считал этот способ охоты вполне естественным, и даже недавние судебные процессы над такими же «воздушными стрелками» не подвигли его на соблюдение законов. Геннадий Фофанович Охлин, генерал МВД, начальник ХОЗУ Сыктывкарского ОВД, сам был законом.

Зам увещевал начальника недолго, споро уволился, и Охлин дал задание начальнику службы охраны ХОЗУ капитану Еремееву подготовить на субботу вылет в Печоро-Ильчский заповедник, где у него была своя охотничья заимка и егеря всегда ждали высокого гостя.

– Предлагаю полететь в другое место, – сказал Еремеев, маленького роста, черноусый, юркий, подвижный.

– Не понял. – Охлин, громадный, выпуклый со всех сторон, похожий на располневшего борца, поднял на капитана глаза.

– В заповеднике сейчас копается какая-то экологическая комиссия, а на лося охота запрещена.

– Везде запрещена. Ну и что?

– Есть местечко, где нас никто не потревожит.

– Что за местечко?

– Я родом из Синдора, там рядом, в десяти километрах, на берегу озера Глухое, есть хутор Синдор, несколько дворов, а зверья вокруг – немерено!

– Синдор? Там же недалеко лагерь.

– Усть-Вымлаг, восемнадцатое отделение, ликвидирован в конце девяностых. Природа сказочная, не пожалееете.

– Охотничий домик? Пансионат?

– Нету ни домика, ни пансионата, но мы устроимся там по-царски, гарантирую.

Охлин подумал.

– Собирай команду. Полетим в субботу утром.

– Лучше в пятницу вечером, я всё подготовлю.

Так генерал и оказался в пятницу, двадцать восьмого июня, на борту вертолётa «Ка-226», вмещавшего шесть-семь пассажиров. Вместе с ним в кабину влезли трое сопровождавших:

капитан Еремеев и два телохранителя генерала, сержанты Петро и Вован, похожие друг на друга как два простых карандаша.

В начале шестого вертолёт взлетел с площадки рядом с коттеджем Охлина, расположенным на окраине посёлка Седкыркош, недалеко от речки Вычегды. Коттедж в этом месте генерал построил недавно, отгородившись высоченным забором от соседских дач, не обращая внимания на шум, поднятый журналистами: строение возводилось в природоохранной зоне, с нарушением федерального законодательства. Но Охлин получил письменное разрешение от прокурора области и считал себя свободным от каких бы то ни было обязательств.

Лето в этом году выдалось умеренно жарким, температура воздуха в Сыктывкаре и окрестностях не превышала днём двадцати пяти градусов по Цельсию. Поэтому к вечеру нужно уже было надевать что-то плотное, и одеты все были в новейший армейский камуфляж, в котором было тепло в морозы и не жарко в зной.

Вертолёт за час долетел до Синдора, взял на борт ещё двух пассажиров: егеря Степчука и начальника Синдорского охотохозяйства Пуфельрода, после чего сел прямо на песчаный берег речки Вис, рядом с хутором под тем же названием и старой узкоколейкой, которой ещё пользовались местные жители, судя по блестящей поверхности рельсов.

Выгрузились, оглядываясь по сторонам с любопытством.

– Я сейчас, – бросил Пуфельрод, небольшого роста, как и Еремеев, но пухлотелый и круглолицый.

Он бросился к околице деревушки, где появились местные жители, привлечённые визитом: две женщины в платках и трое ребятишек.

Охлин скептически оглядел старые хаты, подметив кое-какой ремонт крыш, сруб нового дома.

– Кто-то обещал мне комфорт.

– Будет комфорт, товарищ генерал, – не слишком уверенно сказал капитан. – Борис тут давно пасётся, всех знает. Хутор этот почти умер к началу века, потом сюда приехал из большого Синдора лесник, Пахомычем все кличут, а за ним ещё несколько семей, в том числе молодёжь. Девочки есть.

– Откуда сведения?

– Боря сообщил.

Словно иллюстрируя слова капитана, из-за второй хаты выглянула ладная девица с распущенными льняными волосами, одетая в сиреневую футболку и джинсы, посмотрела на вертолёт, на разминавшихся мужчин и скрылась.

Охлин и Еремеев переглянулись.

– Ушлые вы с Борей хлопцы, – хмыкнул генерал.

– Мы не ждём милостей от природы, – весело сказал капитан. – Мы их берём сами.

Прибежал главный охотовед Синдора.

– Всё в порядке, можем устраиваться на постой.

– Условия нормальные? – строго спросил Еремеев.

– Для вас хату освободили, с евроремонтом.

– Знаем мы ваши евроремонты. А что там за тёлка пряталась?

– Какая тёлка?

– Вон за тем домом.

Пуфельрод бросил взгляд на опрятного вида деревянную избу под новомодной синей черепицей.

– Слева хата лесника Пахомыча, справа какая-то молодёжь живёт, может, их гостья? До вечера ещё успеем познакомиться.

Охлин подозвал крупногабаритных телохранителей.

– Пошли заселяться, орлы, берите вещи. Кстати, Петро, ты зачем голову побрил? Ты же вроде не лысеешь.

– Он теперь будет бегать быстрее, – хихикнул напарник Петра Вован, – а то раньше цеплялся волосами за воздух.

– Шутник, – ухмыльнулся ширококоротый Петро. – На себя посмотри.

Вереница гостей потянулась к околице хутора.

К восьми часам разместились в добротном строении с тремя комнатами и в небольшой пристройке, больше похожей на сарай, но с кухней.

Пуфельрод подсутился, и генерала после прогулки по хутору ждал отличный ужин с водкой на аперитив и виски на диджестив.

– Там ещё тёлки гуляют, – заявил исчезнувший на полчаса Вован; вид у него был возбуждённый. – Целых три. А одна, городская, видать, с бабкой направо в саду сидит. Геннадий Фофанович, разрешите познакомиться?

– Только без хамства, – проворчал Охлин, заметив, что телохранители хорошо «приняли на грудь».

– Да ни в одном глазу! – пообещал Вован.

– Проследи, – посмотрел на Еремеева генерал. – И девушку эту приведи. – Он усмехнулся: – Чаем угостим.

Капитан козырнул, ответив хищной усмешкой.

– На лося поутру пойдём?

– Поутру... полетим. Лоси точно есть?

– В окрестностях озера четыре семьи живут, – сказал егерь. – Я с Пахомычем говорил. Можем и медведя завалить. Правда, он завёл бодягу, будто кто-то уже похозяйничал в здешних краях, покрал лосей.

– Что значит – покрал?

– А хрен его знает, уверяет, что лоси пропали. И медведица. Я посмотрю, к завтраму всё будем знать. Может, он специально напраслину гонит, не хочет, чтобы мы его животину гоняли.

– Ладно, садимся, живот подвело.

Компания расселась за столом.

Хутор Синдор 28 июня, вечер

Максиму Одинцову пошёл двадцать девятый год.

В спецназ Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны он попал, можно сказать, случайно. С детства увлёкся восточными единоборствами, заработал все мыслимые пояса в карате и айкидо, в армии изучил барс – боевую армейскую систему и стал чемпионом мира по боям без правил в тяжёлом весе. Потом закончил Сыктывкарский физкультурный институт и собрался в аспирантуру, чтобы заняться диссертацией. Тема уже была определена: изучение поведенческих рефлексий спортсмена в экстремальных условиях.

Участвовать в соревнованиях он перестал, стало недосуг, но в двадцать третий год рождения к нему пришли представители ГРУ и предложили стать инструктором для особых оперативных подразделений. Так он оказался в рядах спецназа ГРУ, став лейтенантом, капитаном, а затем майором, командиром отряда особого назначения, дислоцировавшегося в Сыктывкаре и привлекаемого к самым секретным операциям ГРУ за рубежом.

Есть люди, долго взвешивающие свои решения, прежде чем что-либо предпринять. Есть просто трусы. Есть робкие, сомневающиеся в своих силах. Но есть и те, которые максимально эффективны в любой экстремальной ситуации. Максим был из их числа. Статью он походил на мать: широкий в кости, добродушный, улыбчивый, с ямочками на щеках, сероглазый, а характером вышел в отца, донского казака, всегда упрямо добивавшегося цели.

Толстым и особенно массивным он не выглядел, несмотря на рост под метр девяносто и широкие плечи, но весил больше ста килограммов, и составляли эти килограммы не жировые отложения, а мышцы.

Звонок дядьки Николая Пахомовича изменил ход мыслей Максима, действительно собравшегося в отпуск после недавней операции в Сирии. Хотелось махнуть на Каспий, где жил друг юности Шурик Дубов, хотелось слетать на Крит или в Хорватию, желательно с компанией. Но просьба Пахомыча перевернула настроение, и утром двадцать восьмого июня Максим сел в поезд Сыктывкар – Ухта и сошёл с него на станции Синдор, откуда через два часа доехал до хутора Синдор, обнаружив на автовокзале попутку.

В начале четвёртого он уже обедал с Николаем Пахомовичем, имея с ним отдалённое сходство: отец Максима был двоюродным братом Пахомыча.

Жена лесника Евгения Евграфовна, на пятнадцать лет моложе мужа, обрадованная появлением гостя, засуетилась вокруг, выкладывая всё новые и новые домашние яства: солёные огурчики, помидоры, салаты из баклажанов и сладкого перчика, грибы, засыпала Максима вопросами о родственниках.

– Остынь, Графовна, – остановил её Пахомыч, оглаживая бородку. – Успеешь побалагурить, дай человеку опомниться с дороги. Я тебе, Николаич, баньку истопил, щас пойдёшь али к вечеру?

– К вечеру, – сказал Максим, окончательно расслабляясь, положил ладонь на локоть женщины: – Не суетись, тётъ Жень, посиди с нами.

– Мясо только доготовлю и сяду, – заулыбалась Евгения Евграфовна. – Соседи кабана забили, я у них свежатинки купила.

– Шкварки сделаешь, с блинами?

– Сделаю, конечно, завтра, поутру. – Женщина убежала на кухню.

– Рассказывай, – сказал Максим, проводив глазами красивую светловолосую девушку, прошедшую мимо хаты Пахомыча. – Кто такая?

– Приехала утром к Песковым, вроде родственница ихняя, из Москвы.

– Симпатичная.

– Тебе видней. Так вот, пошёл я за грибами в среду... – Пахомыч поведал племяннику историю встречи с фотографом в лесу и пропажей лося и медведицы. – Что скажешь?

Максим поймал вилкой груздь, положил в рот, пожевал.

– Королевская засолка! Насколько я тебя знаю, горилку ты не употребляешь один.

– Ну?

– Значит, показаться тебе не могло.

– По делу говори, – обиделся старик.

Максим приподнялся, сжал плечо лесника.

– Извини, пошутил неудачно. Одно могу сказать с уверенностью: дело странное. Медведица была с детёнышами и никуда с ними сбежать не могла. Отсюда вывод: её убили, а тушу забрали.

– Кто? Не слышал я выстрелов. Да и забрать двухсоткилограммовую тушу непросто. И подъехать к тем местам нельзя, болото кругом, просеки ещё чистить и чистить.

– Вертолёт?

– Не было никакого вертолёта. Фотограф шастал, с бельмами вместо глаз, аппарат у него навороченный, а больше никого я не видел, и следов никаких.

Максим с удовольствием доел солёные грибы, взялся за огурчик.

– Пойдём завтра, покажешь, где видел фотографа.

– Конешное дело, покажу.

Где-то за лесом послышался приближающийся стрёкот, хутор накрыло гулом вертолётных лопастей.

Мужчины переглянулись, выбежали из хаты.

За околицей Синдора, ближе к узкоколейке, садился вертолёт, новенький, бело-голубой «Ка-226» с соосными винтами.

– Не к тебе, случайно? – спросил Максим.

Пахомыч поскрёб в затылке.

– Лесник – не велика шишка, я сам к начальству езжу на электричке или на мотодрезине. Кого это нелёгкая принесла?

– Сходи.

– Ладно, накину кафтан, схожу. А ты пока чайком побалуйся.

Пахомыч нырнул в дом, накинул старую брезентовую куртку с надписью «ССО Сыктывкар» на спине, потрусил к концу улочки, почти не тронутой колёсами наземного транспорта. Машина, по его рассказам, имелась только у одного соседа, остальные пользовались гужевым транспортом.

Вернулся лесник через двадцать минут, когда Максим уже допивал чай с ежевичным вареньем.

– Охотники прилетели, мать их, с самого Сыктывкару, генерал какой-то и его подельники. У двоих рожи чисто бандитские. С ними наш синдорский охотовед и егерь Сашко Степчук, я его знаю, встречались пару раз.

– Почему решил, что это генерал? – Максим расслабился, потянуло в сон.

– Егерь признался.

За стеной хаты послышались мужские голоса.

Максим выглянул в окно.

За оградой, на улице, стояла девушка, которую он заметил раньше. Дорогу ей преградили два рослых парня с лицами полицейских, стоящих в оцеплении: у них были одинаковые квадратные челюсти, одинаковые скулы, способные наверно служить деталями капканов, и одинаковые глазки неопределённого цвета. Разнились лишь причёски: у одного, ушастого, была короткая стрижка, второй, ширококоротый, был наголо брит. На обоих красовались пятни-

стые штаны и коричневатые майки армейского образца, подчёркивающие гипертрофированно накачанные мышцы.

Максим прислушался.

Парни предлагали девушке пойти с ними, посидеть в приличной компании, познакомиться с очень хорошим человеком. Девушке, судя по всему, их предложения не нравились.

– Пойдём, дура! – не выдержал один из них, с оттопыренными ушами, цапнув её за плечо. – Ты же ещё не знаешь, кто тебя приглашает.

– И не хочу знать, – сбросила его руку блондинка.

За дело взялся второй амбал, ширококоротый и полностью бритый.

– Не кочевряжься, он тебя озолотит, у него в руках весь Сыктывкар.

Максим вышел из дома, открыл калитку под взглядами замолчавших парней. Напрягаться не хотелось, поэтому он сделал попытку разойтись хитро-мирно:

– Маша, что стоишь, заходи, все уже за столом.

Девушка поняла его замысел, улыбнулась.

– Не пускают вот.

Максим оглядел мордovorотов, наряженных совершенно специфически, по-военному, в берцах, но без курток.

– Ребятки, пропустите девчонку.

Ширококоротый сжал кулак, лизнул костяшки. Он явно был не прочь размяться.

– Она шла мимо.

– Её дом рядом, тётки ждут приглашения. Кстати, кто вы такие? Что-то не припомню вас среди местного населения.

Парни переглянулись.

– Мы охраняем территорию, – сипло проговорил лопоухий.

Ширококоротый заржал.

На крыльцо вышел Пахомыч, из-за его плеча выглянула Евгения Евграфовна.

Максим покосился на них, вышел на улицу, взял девушку за руку, повёл к дому. Проходя калитку, спиной почувствовал движение ширококоротого, взял т е м п, подхватил с земли лежащую штaketину и подставил под удар амбала.

Раздался треск. Штaketина переломилась пополам.

Ширококоротый охнул.

Максим оглянулся, аккуратно закрыл за собой калитку, сочувственно качнул головой:

– Осторожнее кулаками-то махай, паря, без руки остаться можно.

– Да я тебя... – рванулся к нему ширококоротый.

Лопоухий удержал его за плечо.

– Успокойся, Петро, тут ещё тёлки есть, чо к этой вязаться. В следующий раз пригласим.

– Советую обходить и её, и всю деревню, – сказал Максим спокойно, катнув желваки. –

Не ровён час, гробы придётся в Сыктывкаре заказывать.

– Чо ты сказал?! – удивился лопоухий.

– Чо слышал.

Максим взял девушку под локоть, повёл к дому, прислушиваясь к шуму за спиной. Но «охранники» не рискнули затевать прямую ссору с жителями хутора, потопали прочь, прошипев:

– Мы тя ещё встретим, долбон!

– Не знал, что ты долбон, – пошутил Пахомыч, когда все прошли в горницу. – Не зазорно?

– Пусть говорят что хотят. – Максим оценивающе поглядел на девушку, не испытывавшую никакого страха; вблизи она показалась ещё более милой и домашней, серо-зелёные глаза сверкнули пониманием и признательностью, хотя в их глубине прятались уверенность и сила. – Извините, пришлось сманеврировать. Не люблю скандалов и драк.

– Я поняла, – кивнула она с прежней располагающей улыбкой. – Не все рождаются драчунами.

Пахомыч сделал движение, но Максим отрицательно мотнул головой: мол, не вмешивайся.

– Да уж, у каждой Машки свои замашки. Одна любит чашки да ложки, другая пряжки да серёжки. Кстати, как вас зовут?

Девушка засмеялась.

– Ольгой меня зовут, к соседям вашим приехала.

– К Песковым, – добавил Пахомыч.

– К ним. А вас, значит, интересуют пряжки да серёжки?

– Нет, по большей части чашки да ложки. Поесть вкусно, знаете ли, люблю.

– Что ж, дело стоящее. Благодарю за помощь, мне тоже не хотелось устраивать соревнования по борьбе. Я заметила, вы сегодня приехали.

– Совершенно верно, завтра с Пахомычем по грибы пойдём с утра, не хотите присоединиться?

Предложение застало Ольгу врасплох.

– Спасибо, я подумаю... э-э...

– Максим. – Одинцов протянул руку.

– Он... – начал Пахомыч.

– Путевой обходчик, – закончил Максим, – осматриваю железнодорожные пути.

Рука у Ольги оказалась твёрдая, сильная и горячая, держать её в своей было приятно.

– Обходчик, – повторила она с ноткой иронии, – это славно. Никогда не знакомилась с обходчиками.

– Может, посидите с нами? – предложила Евгения Евграфовна.

– Нет, меня ждут, начнут беспокоиться, мы ещё встретимся.

– Дайте свой мобильный, – попросил Максим, – и возьмите мой, на всякий случай.

Ольга поколебалась немного, думая о чём-то своём, однако записать номер Одинцова не отказалась, потыкала пальчиком в экранчик айфона.

– До свидания, приятно было познакомиться.

Максим проводил её до калитки.

– Пойти с нами утром не надумали?

– Я рано вставать не привыкла, – виновато шмыгнула носом девушка. – По натуре я сова.

– А я жаворонок, – огорчился Максим. – С утра прекрасно работается, голова свежая, на подвиги тянет.

– Для путевого обходчика это прекрасное качество.

Глаза их встретились. Было видно, что Ольга понимает его игру и в обходчика не верит. Но и он видел в ней больше, нежели она пыталась скрыть, уж больно независимо она держалась при разговоре с мордоворотами в камуфляже.

– Я вам позвоню.

– Или я вам.

Неподалёку, за последним домом хутора раздался взрыв хохота.

Оба повернули головы в ту сторону.

– Разрешите проводить? – сказал Максим.

– Мой дом напротив, – отказалась Ольга. – До завтра.

Она быстро перешла дорогу, скрылась в палисаднике соседней хаты.

Максим проводил девушку глазами, отмечая особенности походки и достоинства фигуры, вернулся в дом.

– Согласилась? – прищурился Пахомыч.

– Позвонит, – задумчиво ответил Максим. – А может, и не позвонит, особа она волевая, себе на уме.

Спать он лёг совсем рано, сразу после десяти часов вечера, с удивлением подумав, что ему нравится простота уклада родичей и их природно добрая линия жизни. Они принимали жизнь такой, какой она была, не ругая ни большую власть, ни местных чиновников, озабоченных своей выгодой, ни соседей. С ними было тепло и уютно.

Однако спокойно уснуть ему не дали.

Уже засыпая, краем уха он поймал далёкий девичий крик, лёг было на другой бок и рывком сел на кровати. Вспомнились «быки» в камуфляже, приставшие к Ольге. Никакие моральные принципы их не тяготили, и поиск «других тёлок» на хуторе мог закончиться печально, тем более что служили они какому-то генералу, считая его железной «крышей».

Пахомыч, увидев одетого в спортивный костюм племянника, удивился:

– Ты куда?

– Пойду посмотрю, что за шум.

– Не ходи, охотнички бузят. Федосовы представили им новую домовину, а рядом Пинчуки живут, три девки у них, и все не замужем.

– Я сейчас.

Максим вышел на улицу, обошёл дом Песковых, вглядываясь в его окна и желая увидеть Ольгу, но никого не увидел. Зато во дворе нового дома дым стоял коромыслом, по двору метались две девушки, причём без особого веселья, судя по их вскрикам и слезам, одна из них увернулась от широкогоротого бугая, выбежала на улицу. Здоровяк рванул за ней, увлекшийся забавой, и наткнулся на Максима. Остановился, туго соображая, что за препятствие выросло на пути.

Солнце зашло за леса, но было ещё светло; в этих краях оно садилось летом к одиннадцати часам вечера.

Девушка, плотненькая, невысокая, в зелёной маечке и джинсах, обтягивающих полные бёдра, спряталась за спину Одинцова, всхлипывая.

– Дяденька, скажите им, пусть не лапаются!

– Дяденька, – ухмыльнулся широкогоротый, – шёл бы ты отсюда! Не мешай веселиться.

Возня во дворе прекратилась.

Вторая девчушка съездила ушастому верзиле по физиономии, шмыгнула в дом, за спину какой-то пожилой женщины.

Ушастый заметил Максима, шагнул к калитке, почёсывая щеку.

– Вот дурра, в баню не хочет. А это кто?

– Где родители? – спросил Максим у спрятавшейся за спиной девчонки; ей от силы было лет восемнадцать.

– Папа в бане, с приезжими, мама к соседям ушла.

– А это что за женщина?

– Тётя Хруза. Шурка там сидит.

– Проводить? Или ты лучше у соседей посидишь?

– Вот сучара! – опомнился широкогоротый. – И тут вмешивается! А не хочешь засунуть...

в... – Он грязно выругался.

Максим сдержался.

– Идём к нам?

Девчонка кивнула, со страхом глядя на мордovorотов, разгорячённых спиртным.

– Ну уж х... тебе! – рявкнул широкогоротый, ударом ноги снося калитку.

Под зеленовато-коричневой майкой шевельнулись чудовищные мускулы. С виду он был дуболом дуболомом, но противником неожиданно оказался серьёзным, так как практиковал

унибос¹, хотя и в самом примитивном варианте. При этом реагировал он на движения Максима очень быстро и скользко, работая туловищем как невесомым предметом.

Вспомнились тренировки с наставником по барсу.

На каждый удар-выпад Максима он реагировал экономным движением туловища, то сближаясь, то удаляясь от соперника, то отклоняясь влево или вправо. Почти все атаки Одинцова он пропускал мимо, и это при том, что Максим сам был чрезвычайно подвижен, несмотря на габариты и вес.

Работа в таком ключе вообще производит большое впечатление на противника и очень зрелищна, хотя очень утомительна: боковые мышцы человеческого тела развиты слабее всего и держать их в постоянном тоне трудно. Однако Максим в совершенстве постиг это искусство, находясь в постоянной физической форме, поэтому, показав широкооротому бойцу умение «качать маятник» и заметив его растерянность, вошёл в темп и одним ослепляющим ударом в лоб послал атлета в нокдаун.

Широкооротый отшатнулся назад и упал на забор, едва не повалив всю секцию.

Его ушастый напарник тупо проводил приятеля глазами, поднял голову, шагнул к Максиму.

– Ты... щас...

– Ох, не советую, – не двинулся с места Максим. – Дорого будет стоять.

– Чего?

– Лечение.

Во дворе появились четверо мужчин, обёрнутых простынями, с банками пива в руках. От них валил пар.

Лопухий оглянулся.

Первым подбежал чернявый тип с усиками, глянул на ворочавшегося у забора мордоворота, заговорил быстро:

– Что тут происходит? Петро, я же говорил!

Лопухий растерянно кивнул на Одинцова:

– Он... вот... тут...

– Сажайте своих псов на цепь, – посоветовал Максим. – У них крыша едет от сознания вседозволенности.

К забору вышел могучий толстяк с холодными угрюмыми глазами навывкате. С него градом катил пот.

– Ты чего себе позволяешь, не знаю, кто ты там есть?

– Беги домой, – погладил по плечу вздрагивающую девчущку Максим, ответил: – Врач я, больных лечу, вразумляю, кого надо.

– Я сейчас позвоню кому надо, врач, живо познакомишься с... коллегами.

Максим усмехнулся уголком рта, покачал пальцем.

– Так ведь и я позвонить могу, господин генерал или кто вы там на самом деле. Проверим, чьи коллеги приедут раньше?

– Геннадий Фофанович, – взревел лопухий бугай, – разрешите, я его в бараний рог!..

Толстяк окинул спокойное лицо Максима нехорошим оценивающим взглядом, махнул рукой.

– В другой раз, не будем портить себе отдых.

– И другим тоже не надо, – согласился Максим, поворачиваясь к ним спиной.

Показалось, что в окне соседского дома заколебались занавески. Но уже темнело, и Максим решил, что принимает желаемое за действительное.

У дома его встретил встревоженный Пахомыч.

¹ Унибос – универсальная боевая система.

– А я уже хотел к тебе на помочь бечь.

Максим невольно улыбнулся:

– Да всё в порядке, я только посоветовал им не шуметь.

– А они?

– Вникли.

Пахомыч с сомнением посмотрел на дом, где во дворе толпился народ и слышалась ругань, но Максим не стал его убеждать и прошёл в дом.

На этот раз уснул он быстро.

Синдор 29 июня, утро

Вставать рано после вчерашнего алковозлияния не хотелось, но Охлин заставил себя открыть глаза, добрался до туалета вполне цивилизованного вида и пришёл в себя. Поморщился, вспомнив вчерашнюю стычку с молодым мужиком, приехавшим к соседям хозяина, принявшего охотничью команду на постой. Подумал с привычной злобной убеждённостью, что после охоты он заставит Еремеева разобраться с наглецом, легко уронившим сержанта-телохранителя.

Пуфельрод, Еремеев и егерь уже ждали генерала у вертолётки.

Главный охотник Синдора протянул Охлину двуствольное ружьё «SLX 692 Gold» итальянской фирмы «Faig», калибра 12 на 76². Ружьё было проверено и заряжено, а его убойная сила позволяла бить кабанов и лосей на приличном расстоянии.

– Лесник видел сохатого у зимника, – сказал егерь, – хотя уверяет, что лось исчез. Брешет скорее всего. Чуть подальше, к озеру, живёт ещё парочка рогатых. Но прошу маму не бить.

– Как получится, – пожал плечами Еремеев.

– Посмотрим, – проворчал Охлин, чужая просыпающийся охотничий азарт.

– Пешком пойдём?

– Ещё чего, заводите мотор.

Пилот включил двигатель.

Было раннее утро, солнце только-только вызолотило верхушки деревьев, хутор оцепенел в сонной тишине, но никого не обеспокоило, что после рёва вертолётных двигателей проснутся все. Охотники давно отучились думать о других.

Через три минуты вертолёт взлетел.

Стали видны полосы тумана в низинках, нитка рельсов узкоколейки сместилась назад, пошло редколесье, сверкнула излучина речушки, за ней раскинулся смешанный лес, перемежаемый логами и полянами.

– Не так быстро, – сказал Охлин недовольно, всматриваясь в проплывающий под винтокрылой машиной пейзаж; ноздри генерала трепетали, он чувствовал эманации добычи.

Вертолёт сделал круг радиусом в пару километров, пошёл на второй.

– Лоси где?

– Сейчас будут, – заверил Пуфельрод, жестами показывая пилоту, куда лететь.

В кустах мелькнуло что-то серое.

– Левее!

Вертолёт пошёл боком, и стал виден бегущий лось. Чуть в стороне мелькнуло несколько животных помельче, скорее всего кабанья семья.

– Стреляйте! – азартно выкрикнул ширококоротый Петро, на лбу которого красовался синяк от полученного удара.

Охлин прицелился и внезапно заметил стоящего за кустами человека в пятнистом комбинезоне, с трубой видеокамеры или фотоаппарата на плече.

– Чёрт! – Генерал опустил ствол ружья.

Лось шастнул вправо, ближе к незнакомцу, исчез.

Вертолёт завис над прогалиной в лесу, пригибая воздушной волной от винтов кусты и ветки деревьев.

² 18,5 мм, длина гильзы 76 мм

Человек в камуфляже поднял голову, посмотрел на вертолёт с открытой дверцей, из которой выглядывал генерал с ружьём, повернулся и скрылся за деревьями.

– Что там? – сунулся к дверце Пуфельрод.

– Лося ищите!

Вертолёт снова двинулся по кругу, пугая зверей и птиц. Однако лося нигде не было видно, словно он утонул в болоте. Лишь дважды сквозь листву деревьев мелькнул человеческий силуэт: фотограф бежал по лесу, ловко прячась под ветвями сосен и кучами лещины.

– Вот мля! – в сердцах бросил Пуфельрод. – Сквозь землю он, что ли, провалился?

– Там кто-то возится, – показал рукой егерь.

Еремеев шлёпнул ладонью по плечу пилота, показал рукой, куда лететь.

Вертолёт развернулся, на бреющем прошёл над полосой сосняка, едва не касаясь вершин колёсами, вылетел к речке.

На берегу стоял бурый мишка весьма внушительных размеров и смотрел на винтокрылую машину, подняв голову.

Охлин навёл на него свою двустволку.

– Не убьём, – отсоветовал егерь, – калибр маловат.

– А если подлетим ближе?

– Убежит.

– Тогда садимся в сотне метров, хочу завалить.

Вертолёт рухнул на лес, словно пилот решил разбить машину и угробить всю компанию. Но маневр закончился благополучно, вертолёт сел недалеко от берега, не зацепив деревьев.

Еремеев выругался.

– Полегче, ас хренов, не картошку везёшь!

Выскочили из кабины с ружьями в руках, бросились по берегу в ту сторону, где медведь собирался полакомиться рыбой. И наткнулись на человека в необычном камуфляже – серо-бело-зелёно-жёлтом.

– Эй, ты кто? – позвал незнакомца остановившийся капитан.

Незнакомец, возившийся со своей устрашающего вида видеомашинкой, оглянулся.

Окрестности Синдора 29 июня, утро

Ольга не позвонила, и Максим слегка расстроился, так как уже выстроил в мечтах воздушный замок будущих отношений и поверил, что все сложится.

– Сам позвони, – посоветовал проницательный Пахомыч, когда они вышли ранним утром из дома, и Максим взгляделся в окна соседней хаты.

– Пусть спит, – с сожалением проговорил Одинцов. – Не все девушки любят настырных парней.

– Тогда неча пялиться на ихние стены.

Прошли мимо, одетые по-походному: на Максиме была модная сизая ветровка с искрой и джинсы, на ноги он натянул взятые специально походные непромокаемые кроссовки; лесник же всегда по лесам ходил в старом брезентовом плаще и сапогах. Оба надели головные уборы: Пахомыч кепку, Максим серую бейсболку с длинным козырьком.

Оружия Пахомыч не взял, хотя ружьё у него было.

Максим тоже вооружился только ножом, взяв его с собой из Сыктывкара. Нож был специальный, из особого сорта стали с наросшим с помощью нанотехнологий прочнейшим «алмазным» слоем, закалённый, острый, и мог протыкать даже кевларовые бронежилеты. Кроме того, он был идеально уравновешен, и его можно было применять для метания на значительное расстояние.

Прошагали мимо крайней усадьбы, по территории которой бродили поселенцы, собираясь на охоту.

– Поинтересовался бы, кто это к нам припёрся, – кивнул на них Пахомыч. – Охота по закону запрещена, а они будто не слышали об этом.

– Плевали они на законы, – поморщился Максим. – Вернусь в Сыктывкар, выясню, кто балуется, прикрываясь званием генерала.

Перебрались через насыпь узкоколейки, углубились по тропинке в лес, уже пронизанный трелями проснувшихся птиц.

Было прохладно, не более плюс пяти градусов, между деревьями ещё висели полосы тумана.

Максим заметил несколько грибов-зонтиков, шагнул к ним, но Пахомыч остановил:

– Не суетись, белых наберём, рыжики есть, подосиновики.

– Зонтики тоже классные грибы, особенно молоденькие. Я из них отбивные сделаю.

– Согласен, но так мы полдня прощастаем по лесу, если начнём отвлекаться на всякие мухоморы.

– Зонтик – не мухомор.

– Ну, родственник съедобный.

Через полчаса вышли к речке, прошлись вдоль берега, свернули к югу.

Пахомыч остановился у бугра, почти спрятанного завалом соснового бурелома.

– Берлога. Медведица исчезла, а ейную мелюзгу надо бы в зоопарк сдать.

Максим обошёл берлогу, посветил фонарём в отверстие на вершине бугра, принюхался к запахам.

– Не потревожено.

– Вот и я о том же, – кивнул лесник. – Шёл туда – медведица была, иду обратно – нету. Куда девалась, непонятно, однако пугать её здесь некому.

– А фотографа где встретил?

– Тут неподалёку, дважды. Получается, что медведица пропала после того, как я её встретил.

– А лось?

Пахомыч сдвинул пальцем кепку.

– Не помню. Хотя должен был позже пропасть, после встречи.

– Странно.

– Ага.

– Покажи, где он стоял.

Они двинулись от берлоги к низинке, переходящей в болото.

Где-то в паре километров от них послышался нарастающий гул вертолётных винтов.

Оба остановились, прислушиваясь.

– Летят охотнички, – проворчал Пахомыч. – Интересно, найдут кого или нет? Я предупреждал егеря, что лоси ушли, волки тоже.

Вертолётный гул отдалился.

– К зимнику полетели.

– Хрен с ними, они нам не приятели и не родственники.

Двинулись вдоль низинки, остановились у муравьиной кучи.

– Вон там он стоял, между соснами.

Максим сосредоточился на восприятии «невидимого», порыскал между деревьями, нашёл несколько свежих отпечатков подошв на траве, на слое опавших сосновых иголок и на мху. Отпечатки были странные, с рифлёным рисунком каких-то иероглифов, и пахли чужеродно.

– Что откопал? – подошёл к нему Пахомыч.

– А ты разве не видишь? Ты же лесник.

– Не подначивай, лесник я, да не охотник и не следопыт. Вижу, отпечатки ненашенские, на берегу такие же.

– Да уж, следы странные.

Послышался нарастающий гул вертолёта, слева над деревьями мелькнули сине-белый корпус, гул стал отдаляться и ухнул куда-то вниз, будто винтокрылая машина провалилась в яму. Стало тихо.

– Упал он, что ли? – пробормотал Пахомыч.

Максим прислушался к своим ощущениям.

– Вроде бы нет. Пошли посмотрим, они где-то недалеко, в полукилометре сели.

– Сдались они тебе!

– Не нравится мне...

– Что? Команда?

– Мистика.

– Какая мистика? – не понял старик.

– Просто так звери не пропадают. Их либо браконьеры убивают либо ловят для продажи. В нашем случае происходит нечто необычное, согласен? Следов-то и в самом деле никаких нет, кроме отпечатков фотографа.

– Никаких.

– А отпечатки его подошв вообще невозможно идентифицировать. Такую обувь не носят ни китайцы, ни японцы, ни американцы, зуб даю. Ладно, разберёмся.

Максим определил предполагаемое место посадки вертолёта, быстро направился в ту сторону, лавируя между деревьями и валежником.

Пахомыч поспешил за ним, позавидовав лёгкости, с какой племянник передвигался по лесу.

Минут через двадцать вышли к ровной прогалине между деревьями и кустарником, тянувшейся к реке длинным языком.

Вертолёт стоял на краю прогалины, двигатель не работал, винты не вращались.

Максим остановился, пригнувшись и приглядываясь к мирному пейзажу, достал бинокль.

– Странно... никого... и пилота не видно.

– Может, на берегу сидит, рыбу ловит?

– Пилоты, как правило, свои машины без присмотра не бросают. Пошарь по берегу, я вокруг полазаю.

Пахомыч устремился было к берегу речушки, однако заметил мельканье пёстрых пятен в кустах за прогалиной и присел в траву, почуяв непонятное опасение.

Ветки ольховника перестали качаться, пёстрые пятна исчезли.

Пахомыч посидел на корточках, млея, вглядываясь в пляску листьев до рези в глазах, потом рысью, пригибаясь, догнал Максима.

– Там кто-то ворочается в кустах!

Максим прижал палец ко рту.

– Постой здесь, никуда не ходи.

Пахомыч оглянулся, спиной ощущая чьё-то незримое присутствие, а когда повернулся к спутнику, никого не увидел. Одинцов словно в воздухе растворился. Лишь на траве осталось стоять его грибное лукошко.

Сухих сучьев здесь, в редколесье, было мало, поэтому бесшумный бег удался.

Максим сделал небольшой крюк и вышел к излучине прозрачной, как слеза, реки, берег которой в этом месте был каменист и свободен от кустарника. Фотограф он увидел сразу.

Высокий, как баскетболист, незнакомец в пятнистом балахоне стоял у комля упавшей лиственницы и смотрел на хорошо видимый с этой позиции вертолёт. Точнее – смотрел на человека, кружащего вокруг вертолёта.

Максим выругался про себя: старый пень! сказал же – жди!

Но это был не лесник.

Вертолёт осматривала недавняя знакомая Ольга, отказавшаяся давеча идти утром по грибы. Одета она была в защитного цвета куртку со множеством кармашков и такие же штаны, на ногах красовались высокие, чуть ли не до колен, отсвечивающие перламутром сапожки, волосы накрывал такого же оттенка берет. И весь этот модный комплект назывался на армейском языке КОНЗ-12ТС – костюм особого назначения защитный для операций в тайге и на Крайнем Севере. Или на жаргоне спецназа – «лягва». Разработанный с помощью нанотехнологий он мог делать хозяина практически невидимкой.

Ни фотографа, ни Максима Ольга не видела, а почему оказалась в месте посадки вертолёта охотников, да ещё одетая в «лягву», недоступную для простых смертных, догадаться было сложно.

Фотограф направил на девушку тубус своего навороченного аппарата.

Максим испытал всплеск тревоги.

Слишком нестандартными были обстоятельства, связавшие множество не касающихся друг друга событий, в результате которых соединилось в один узел знакомство самого Одинцова с охотниками, исчезновение животных и появление фотографа и Ольги в «лягве». Случайными такие события быть не могли, майор знал это совершенно точно.

Рефлекс сработал раньше сознания.

Трёхсантиметровый камешек удобно лёг в ладонь, вырвался на волю серебристой рыбёшкой и попал фотографу в затылок.

Раздался тихий изумлённый всхлип, фотограф клюнул носом, часть берега с кустами и проплешинами песка исчезла.

Ольга оглянулась... и растворилась в воздухе!

Фотограф тоже оглянулся – на камнеметателя, пригнулся и тоже исчез.

На противоположной стороне поляны шевельнулись ветки тальника, появился Пахомыч с двумя лукошками в руках. Ольгу он, судя по всему, не встретил.

– Максим!

Одинцов метнулся к тому месту, где стоял фотограф, ошеломлённо уставился на шрам, проделанный в береговом откосе неизвестным способом. Фотографа нигде не было видно. Он тоже умел быстро бегать и скрытно передвигаться, что говорило о неплохой подготовке этого типа.

– Никого? – задал вопрос лесник, напрочь не понимая ситуации.

Максим прислушался к тишине вокруг и вдруг понял, что и в самом деле никого они не найдут. Охотники исчезли не сами по себе, им помогли исчезнуть, как помогли исчезнуть крупным зверям в лесу. И свидетелем этого процесса являлся таинственный фотограф.

Или виновником, пришла пугающая мысль.

Максим двинулся к старику.

– Никого не видел?

– Никого, прошумело где-то, и всё. – Старик заволновался: – Что будем делать? С меня же спросят.

– Ты-то тут при чём? Но звонить в райцентр придётся.

Одинцов посмотрел на пустой вертолёт и решил не говорить леснику о появлении Ольги. Пахомычу этот факт был ни к чему, а у самого Максима появлялся козырь в рукаве, который можно было предъявить в случае необходимости.

Хутор Синдор 29 июня, полдень

Сначала на хутор примчался из посёлка серо-синий «газик» Синдорского отделения внутренних дел, привёз троих полицейских, которых Максиму и Пахомычу пришлось вести в лес, к месту посадки вертолёт.

Оказалось, главным охотником был генерал Охлин, начальник хозяйственного управления МВД Сыктывкара. Поэтому в полиции и поднялась паника, когда пришло известие о пропаже всей охотничьей команды.

Максима и Пахомыча допросили и отпустили. Оба дали одинаковые показания: пошли по грибы, наткнулись на вертолёт, обнаружили отсутствие пассажиров и пилота, обыскали окрестности в радиусе километра (что было правдой) и позвонили в УВД.

О встрече с фотографом Максим умолчал.

Фотограф, одетый в странный камуфляж неизвестного образца и обутый в ещё более странные ботинки с иероглифической подошвой, вёл себя так подозрительно, что об этом стоило доложить командованию. Что Максим и сделал, позвонив начальнику оперативной бригады полковнику Сидорину.

– Не лезь, – посоветовал ему Сидорин, – пусть сами разбираются, куда подевался их генерал.

Максим попытался объяснить полковнику странности происшествия, обрисовал вид и поведение фотографа, но Сидорин не заинтересовался.

– Это не наше дело, – отрезал суровый командир ОРБ. – Поехал отдыхать – отдыхай, не суй нос куда не надо.

Максим подумал и решил последовать совету. В голову ничего путного не приходило, кроме того, что фотографа невозможно было отнести к обычному туристу, увлекающемуся красивыми пейзажами. Да и пропажу полосы берега длиной в десять метров объяснить ничем было нельзя. Хотя она и укладывалась таинственным образом в русло гипотезы о пропаже лесных обитателей: берегового откоса просто не стало! А звери просто исчезли!

Однако ловить в лесу неизвестного в камуфляже, проявлявшего интерес к животному миру, одному было непросто, и Максим решил поговорить об этом с Ольгой, тем более что она была на месте происшествия, проявив не менее необычный интерес к вертолёту.

– Пошли завтракать, – махнул рукой Пахомыч, у которого испортилось настроение. Он был уже не рад, что пригласил племянника в гости аккурат в то время, когда высокому начальству из Сыктывкара вздумалось поохотиться в здешних местах.

Максим его понял, обнял за плечи.

– Да всё в порядке, дядь Коль, найдутся охотнички, небось к Синдорскому озеру махнули пешком, погнали лося. Покрутятся менты, найдут.

В глубине души он далеко не был уверен, что охотники найдутся, но причин их пропажи не знал и подозревал нехорошее, хотя, в чём это нехорошее проявляется, представить не мог.

«Газик» местного УВД остался на хуторе. А вскоре после того, как полицейские вернулись из леса, оставив охрану, прилетел ещё один вертолёт – «Ми-8», доставив взвод полиции особого назначения. Видимо, пропажа пяти человек во главе с генералом из центра заставила губернское начальство включиться по полной программе.

Хутор окружили, в домах начались обыски и допросы жителей, способных прояснить обстоятельства дела.

Дошла очередь и до хаты Пахомыча.

Одинцовы завтракали, когда внезапно дверь в горницу с грохотом открылась, ударились о стену, и в комнату ворвались три могучих богатыря в камуфляжных комбинезонах, с масками на головах, навели на сидящих за столом стволы пистолетов-пулемётов «Кедр».

– Ни хрена себе! – сказал лесник ошарашенно. – Вам чего надо?

– Руки! – повёл стволом «Кедра» один из спецназовцев.

– А ноги не надо? – иронически осведомился Максим.

– Руки за голову, я сказал!

Максим неуловимо быстрым движением метнул большим пальцем колечко солёного огурца, и оно влипло прямо в рот крепышу, видный сквозь прорезь маски.

Крепыш инстинктивно прихлопнул огурец ладонью.

Послышались смешки: коллеги оценили пикантность ситуации.

– Ах ты, паскуда! – сделал угрожающее движение к Максиму крепыш.

Максим встал, прокачивая спектр эмоций гостей: те явно не собирались стрелять, но любили побравировать и поиграть оружием.

– Отставить, Ковальчук! – раздался чей-то скрипучий голос, и в горницу вошёл глыбистый мужчина в синем блестящем гражданском костюме без галстука. У него была складчатая шея, покатые плечи борца и серебристый ёжик волос. В этом он был похож на полковника Сидорина: у того тоже наличествовал серебристый ёжик волос.

– Вы хозяин? – воткнул он в Пахомыча взгляд маленьких водянистых глаз.

– Ну, я, – кивнул Пахомыч, встал с достоинством. – А вы кто такие, гости непрошеные, шумные?

Седой пропустил вопрос мимо ушей.

– Мы ищем генерала Охлина.

– Да хоть самого генералиссимуса Сталина, мы при чём?

– Этот ваш собутыльник ссорился с подчинёнными генерала.

Пахомыч озадаченно пригладил усы пальцем.

– Ссорился? Не может быть! Он всё время был со мной.

– Нам доложили.

– Путаете вы чего-то, господин хороший. Это мой родич, а не собутыльник, как вы тут изволите выражаться. Я отвечаю за него, как за самого себя.

Седой смерил свободно стоящего Одинцова изучающим взглядом.

– Идёмте с нами!

– Это с какого бодуна? – усмехнулся Максим.

Глаза седого сузились.

– Вам лучше не задираться, господин драчун. Вы находитесь под подозрением.

– В чём?

– В пособничестве.

Максим невольно засмеялся:

– В пособничестве кому? Местной фауне?

– Инициаторам похищения генерала.

– Чего? – удивился Пахомыч.

– Бред! – пожал плечами Максим. – Множество свидетелей скажут вам, что я приехал вчера и контактировал только со своими родственниками. Ищите тех, с кем общался ваш генерал.

– Вы тоже с ним общались, не отрицайте. Ребята, берите его.

Два комбинезона двинулись к Одинцову.

Он вытянул в их сторону руку, не зная, смеяться ему или плакать. Чугунная уверенность командира ОПОНА в непогрешимости своих выводов забавляла и одновременно раздражала, но и подчиняться им не хотелось.

– Стойте, где стоите! Для задержания по такому делу нужны доказательства. Я тоже где-то служу и у меня свои начальники, которым не понравится ваше самоуправство. Не знаю, кем вы себя считаете, товарищ в костюме, но уверяю вас, длиться это будет недолго.

– Посмотрим, – равнодушно бросил седой, поворачиваясь к Максиму спиной. – Выводите.

Спецназовцы снова двинулись к Одинцову.

Он хотел было достать удостоверение офицера ГРУ, но Пахомычу заломили руку за спину, он охнул, и сознание Максима сдвинулось в край оперативных решений, требующих мгновенной реакции.

Первый бугай, которому в рот залетел ломтик огурца, получил удар в ухо и улетел в угол горницы, по счастью не задев стола и банкетки со стоящей на ней вазой с цветами.

Второй крутанулся вокруг своей оси и рухнул лицом в пол, подтвердив название проведенного приёма – «грязелиз».

Третий отпустил Пахомыча, цапнул пистолет-пулемёт, но воспользоваться им не успел. Максим дёрнул его за руку к себе и подставил кулак, ставший непреодолимой преградой. Сбитый ударом здоровяк грохнулся на спину, развалив хлипкую табуретку.

Максим шагнул к первому спецназовцу, начавшему подавать признаки жизни, нанёс удар сверху вниз, в челюсть, подобрал пистолет-пулемёт, направил на седого, успевшего только оглянуться и поднять брови.

– Имя, звание?

– Что?!

– Глухой? Имя, звание!

– Капитан Посвитлый... Альфред Свиридович... второй батальон ОПОН...

– Какого дьявола вы устраиваете тут комедию с задержанием?! Кто вас вызвал?!

– Демченко... капитан Синдорского ОВД... нас предупредили. – Седой полиловел, начиная осознавать своё положение.

– О чём вас предупредили?

– О бандитах...

– Кто предупреждал?

– Охлин звонил... вчера...

– Идиотизм! Он же всего лишь хозяйственник в лампасах, а вы мчитесь из Сыктывкара ловить бандитов!

– Верните оружие.

– Дозвонюсь до своих и верну.

– До каких своих?

Максим хотел сказать, что он майор спецподразделения ГРУ, но в это время в сенях раздался шум, голоса, дверь распахнулась, и в горницу вошла Ольга в джинсовом костюмчике. Оглядела лежащих и стоящих мужчин, усмехнулась, кинув взгляд на пистолет-пулемёт в руках Одинцова, посмотрела на седого.

– Вы тут старший?

Капитан ОПОНа дёрнул щекой, почесал за ухом, буркнул хмуро:

– С кем имею честь?

Ольга достала малиновую книжечку, раскрыла, сунула ему под нос.

– Всё ясно?

Седой позеленел.

– Э-э-э...

– Забирайте своих костоломов и займитесь делом!

– Он конфликтовал с...

– Я разберусь. – Ольга повернулась к Максиму. – Отдайте им оружие.

Максим протянул «Кедр» вставшему опоновцу.

– Идите! – повелительным тоном проговорила девушка.

Седой кивнул.

Спецназовцы потянулись к выходу, бросая красноречивые взгляды на Одинцова. Поймав взгляд Ольги, командир группы заторопился, подтолкнул последнего бойца в спину, вышел.

В горнице остались Пахомыч, застывший в ступоре, Ольга и Максим.

– Что вы ему показали? – полюбопытствовал Одинцов.

Ольга посмотрела на Пахомыча. Лесник пришёл в себя, засуетился, оглядел комнату, всплеснул руками:

– Мать честная, грязи нанесли сколько, мебель поломали, придётся Графовну звать.

Он скрылся в сенях.

– Какая разница? – ответила девушка. – Судя по всему, вы тоже человек неординарный, коль смогли уложить трёх богатырей ОПОН.

– Вы не ответили на вопрос.

– Первый вы.

– Я майор ГРУ Одинцов, подразделение «крес».

– Понятно. Я майор Валишева, УЭК ФСБ.

– Понятно. Я видел вас у вертолёт.

– Странно, я вас не заметила.

– А фотографа заметили?

– Нет.

– Он был там, как раз в тот момент, когда мы с Пахомычем шли к вертолёту.

– Вас послали специально? Из-за того, что здесь происходит?

– Понятия не имею, что здесь происходит. Мне позвонил дядя Коля, а я как раз собирался в отпуск, вот и махнул сюда, в тайгу. Всё остальное произошло не по моей воле и не по моей вине.

– Мало верится.

– Так ведь и я могу то же самое сказать про вас.

– Я при исполнении.

– Верю, да и командуете вы не хуже сержанта, майор Валишева. Практика большая?

Ольга прикусила губу.

– Мне ещё вчера следовало бы догадаться, по тому как вы разбирались с командой этого генерала.

– Честное слово, – Максим прижал к груди ладонь, – я здесь совершенно случайно! Если бы не звонок Пахомыча, отдыхал бы где-нибудь в Крыму или у друзей в Астрахани. А кстати, что здесь происходит на самом деле, если ваше руководство послало сюда агента?

Ольга прошлась по горнице, разглядывая остатки табурета, повернула к двери.

– Это не ваши проблемы.

– Уже мои. Я не хотел заниматься этим делом, но теперь намерен отыскать фотографа и выяснить, что он ищет.

– Рекомендую этого не делать.

– Почему? – прищурился Максим. – Бойтесь за меня? Или за него?

Ольга покачала головой:

– Мне придётся вызвать оперативную группу.

– Не рано? Что вы им скажете? Какие факты предъявите, кроме факта пропажи зверья и охотников?

Девушка задержалась на пороге, колеблясь.

– Вы точно не посланы параллельной конторой по этому делу?

– Говорю же вам, я сам по себе. Странно, что вас послали сюда по столь неуважительной причине, как пропажа крупного зверя.

– Вы не всё знаете.

– Чего я не знаю?

– Поговорим позже. Хотя я не уверена, что вам необходимо знать причины моей командировки.

– Я могу помочь.

– Я справлюсь.

– Зря вы так, – проговорил Максим с непоказным сожалением. – Одной вам не справиться, как и мне, впрочем. Лес здесь густой, да и болот до фига. Предлагаю пойти в лес и поискать фотографа вместе. Он – ключ ко всем проблемам, уверен.

– Нас туда не пустят. Эти архаровцы начнут искать пропавших, поднимут шум, а главное, перекроют зону поиска. Уверена, фотографа уже и след простыл.

– Есть одна идея. Если фотограф и в самом деле имеет какое-то отношение к исчезновению охотников, он тоже не сунется близко к вертолёту.

– Правильно.

– Зато, если он шастает по здешним лесам с определённой целью...

– Какой?

– Звери. Не зря же они начали пропадать? Мистику оставим в стороне, пока не вскрылись настоящие причины процесса, но в реальности звери исчезают, и фотограф на сто процентов связан с этим процессом.

В глазах Ольги зажёгся огонёк интереса.

– Допустим, ты прав. – Она перешла на «ты». – Действительно есть факты, что фотографа видели... – Она снова прикусила губу.

– Где?

– Неважно... в других местах.

– Говорила бы уже всё. – Он тоже перешёл на «ты». – Всё равно решать проблему придётся вместе.

– В Приамурье начали исчезать тигры... и в Китае. На других континентах – другие хищники, крокодилы, львы, пятнистые кошки. По статистике за месяц исчезли сотни, если не тысячи зверей, преимущественно хищников.

Максим присвистнул.

– Ничего себе масштаб!

– Ты хотел предложить идею, – напомнила она.

– Надо искать фотографа на других участках Синдорского района.

– Почему?

– Думаю, охотники попались ему случайно, они ему не понравились...

– И он их перестрелял, – иронически закончила Ольга.

– Не знаю, выстрелов слышно не было. Так вот, здесь живут и другие лоси, а также медведи и волки. Если он не набрал заданного количества, он, весьма вероятно, будет искать зверей и подальше от Синдора.

– Мыслишь креативно, – усмехнулась девушка, сразу став милой и простой. И этот её облик так не вязался с реальным положением вещей (ничего себе – майор ФСБ, агент по особым поручениям!), что Максим невольно раз веселился.

Но Ольга этого не заметила, занятая своими мыслями.

– Ты знаешь ареалы проживания лосей?

В горницу вошёл Пахомыч.

– Убрались, слава богу! А ты крут, племянничек, я только глазами похлопал, как ты их уложил!

– Он знает, – указал на лесника Максим.

Окрестности Синдора 29 июня, вечер

На хуторе стало шумно.

Вслед за «Ми-8» с подразделением ОПОНа прилетел ещё один – «Ка-332», доставил десять человек следователей, егерей и знатоков синдорского района, которые тут же ушли в лес искать таинственно пропавшую команду генерала Охлина.

Максиму и Пахомычу пришлось снова рассказывать прилетевшим историю своего похода за грибами, но задерживать их не стали, как не потребовали и сориентироваться на местности. Обвинений им предъявить никто не мог, так как не было никаких причин, по каким они могли бы хладнокровно завести охотников в болото или извести ещё каким-нибудь необычным способом. В «сусаниных» подобного рода могли верить только такие тупые служаки, как капитан отделения ОПОНа Посвитлый.

– Пойду в гости, – сказал Максим, когда все допросы закончились.

– К Ольге? – догадался Пахомыч, слегка воспрявший духом.

– Надо же спасибо ей сказать, что выручила нас во время визита тех пятнистых охламонов.

– Это и леснику понятно.

– Нам может понадобится твоя помощь.

– Что надо? – с готовностью расправил плечи старик.

– Ты здесь всё кругом обходил, знаешь все грибные места, болота и урманы, а главное, знаешь, где живут лоси и прочие товарищи.

– Чего ж не знать? Я здесь почитаю каждый куст обошёл.

– Прекрасно. Ты говорил, что в зимнике пропали лоси и медвежьи семьи.

– Не токо в зимнике, и за нефтепроводом тоже, версты три отсюда.

– Хорошо бы сводить нас туда, где живут другие крупные звери. Можешь указать районы, где пасутся лоси?

– Могу, конешное дело.

– Поговорю с Ольгой, и пойдём, если не возражаешь.

– С превеликим удовольствием. А кто она, ежели не секрет? Что за документ показала тому мудаку вислоплечему?

– Она федеральный агент, – веско сказал Максим, – представитель закона. А перед законом все равны, в том числе и понты.

– Кто?

– Была милиция – были менты, стала полиция – появились понты.

– А, ты в этом смысле. Хорошо бы ещё появились такие законы, перед которыми все равны, а то у нас некоторые равнее.

– Много хочешь, – покачал пальцем Максим. – Для этого надо переделать не только власть, но и всех людей. Жди, я сейчас.

У соседей Ольги не оказалось.

– Ушла полчаса назад, не сообщив куда, – развела руками хозяйка Песковых, худенькая старушка с узлом седых волос.

– Ничего, придёт, скажите ей, что заходил сосед, – попросил Максим, выходя в размышлении, что теперь делать. Самостоятельность крутой майорши из ФСБ не удивляла, но её упрямое отрицание предлагаемой помощи начинало злить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.